

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ
В НАУЧНОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕИ.Н. Савеличева , И.С. Шаповалова Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
адрес: 308000, Россия, г. Белгород, ул. Преображенская, д. 78Поступила
в редакцию
26.04.2025Поступила
после
рецензирования
19.07.2025Принята
к публикации
29.09.2025

Аннотация. Молодежь в условиях трансформации политических систем выступает не только объектом политического воздействия, но и субъектом, активно формирующим новые политические практики и идентичности. Политическая культура молодежи определяет долгосрочные траектории политического развития общества.

Целью статьи является системное рассмотрение научного дискурса в определении и эмпирической верификации элементов политической культуры молодежи. **Методы.** На основе критического анализа публикаций структурированы ключевые проблемы, обсуждаемые в научном дискурсе, посвященном политической культуре молодежи. Выявлено, что в исследовательском поле представлено фрагментарное изучение элементов политической культуры молодежи.

Отмечается наличие существенных лакун в осмыслении феномена политической культуры. Также акцентируется, что мозаичный и бессистемный характер, затрудняет осуществление долгосрочного социального прогноза и обуславливает необходимость формирования системной методологии сравнительного анализа данных.

Авторы приходят к выводу о том, что отличительными признаками политической культуры молодежи являются особенности процессов первичной и вторичной социализации, самоопределения и саморегуляции. Кроме того, авторы подчеркивают, что в современном научном дискурсе проблемные акценты в изучении политической культуры молодежи связаны с выявлением несформированности политического сознания, а также неэффективностью политической социализации. Такая оценка обусловлена отсутствием целенаправленного влияния социальных институтов и формальной организации процессов социализации (образование, воспитание и формальную коммуникацию). Установлено, что широкий спектр научных работ исследует формы активности, связанные с анализом условий и барьеров участия молодежи в выборах, а также рассматривает деятельность политических активистов с позиции возможного включения в политическую сферу (как политический потенциал).

В **результате** аргументируется наличие диссонанса между динамично меняющейся реальностью политического участия, включая формирование гибридных и сетевых форм, что прогнозирует расширение категориального аппарата исследований.

Ключевые слова: молодежь, политическая культура, политическое мышление, политическое сознание, политическая социализация, политическое поведение, политические стратегии, молодежные социальные сети, гибридные формы политического участия.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Для цитирования: Савеличева И.Н., Шаповалова И. С. Политическая культура молодежи в научном социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. – 2025. – Том 20. – no.4. – С. 65-86. EDN PSYEFY

© Савеличева И.Н., Шаповалова И.С., 2025

THE POLITICAL CULTURE OF YOUTH IN SCIENTIFIC SOCIOLOGICAL DISCOURSE

I.N. Savelicheva, , I.S. Shapovalova *Belgorod State National Research University,
address: 78 Preobrazhenskaya str., Belgorod, 308000, Russia*Received
26.04.2025Revised
19.07.2025Accepted
29.09.2025

Abstract. *In the context of transforming political systems, young people are not only the object of political influence but also the subject, actively shaping new political practices and identities. The political culture of young people determines the long-term political development pathway of society.*

The purpose of the article is a systematic review of scientific discourse in the definition and empirical verification of elements of youth political culture.

Methods. *Based on a critical analysis of publications, the authors structured the key issues of youth political culture. They revealed that the research field presents a fragmentary study of the elements of that one.*

The authors note, that there are significant gaps in understanding the phenomenon of political culture. They also emphasize that the mosaic and unsystematic nature makes it difficult to implement a long-term social forecast and necessitates the formation of a systematic methodology for comparative data analysis.

The authors conclude that the distinctive features of youth political culture are the processes of primary and secondary socialization, self-determination and self-regulation. In addition, the authors emphasize that in modern scientific discourse, problematic accents in the study of youth political culture are associated with the identification of unformed political consciousness, as well as the ineffectiveness of political socialization. This assessment is due to the lack of targeted influence of social institutions and the formal organization of socialization processes (education, upbringing and formal communication). It is established that a wide range of scientific papers explores forms of activity related to the analysis of conditions and barriers to youth participation in elections, and also examines the activities of political activists from the perspective of possible inclusion in the political sphere (as a political potential).

As a result, it is argued that there is a dissonance between the dynamically changing reality of political participation, including the formation of hybrid and network forms, which predicts the expanding the framework of categories and concepts.

Keywords: *youth; political culture, political thinking, political consciousness, political socialization, political behavior, political strategies, youth social networks, hybrid forms of political participation*

Funding: *The study is supported by the state task FZWG-2023-0016 «Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space».*

For citations: Savelicheva I. N., Shapovalova I. S. (2025) The Political Culture of Youth in Scientific Sociological Discourse. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol.20, no.4, P. 65-86. EDN PSYEFY

© Savelicheva I. N., Shapovalova I. S., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования политической культуры современной молодежи обусловлена комплексом факторов теоретического и социально-практического порядка. В контексте трансформации политических систем и цифровизации общественных отношений молодежь выступает не только объектом политического воздействия, но и субъектом, активно формирующим новые политические практики и идентичности. Политическая культура молодежи, понимаемая как система базовых ориентаций, установок и моделей политического поведения, детерминирует не только текущие электоральные процессы, но и долгосрочные траектории политического развития общества. В этой связи ее научная концептуализация в рамках социологического дискурса приобретает характер методологического императива.

Анализ политической культуры молодежи сохраняет свою непреходящую научную и общественную значимость, однако в современных социокультурных и технологических реалиях он приобретает новое, сущностное измерение. Актуальность данного исследования детерминирована комплексом взаимосвязанных факторов теоретического и прикладного характера.

Во-первых, молодежь выступает в качестве ключевого актора трансформации политических систем и идеологических ландшафтов. Будучи наиболее динамичной и восприимчивой к инновациям социально-демографической группой, она не просто интериоризирует существующие нормы, но активно участвует в их реинтерпретации и формировании альтернативных моделей политического участия. Изучение ее ценностных ориентаций, паттернов гражданственности и способов легитимации власти позволяет осуществлять прогностическое моделирование траекторий развития политического режима в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Во-вторых, цифровая среда кардинально трансформирует онтологию политического. Социальные сети, платформенная экономика и алгоритмическая кастомизация информации создают принципиально новые условия для политической социализации. Формируется гибридная политическая культура, в которой онлайн- и офлайн-практики переплетаются, порождая такие феномены, как цифровой активизм, меметическая политическая коммуникация и фрагментированные, сетевые формы идентичности. Традиционные методологические подходы требуют существенной корректировки для адекватного отражения этих процессов.

В-третьих, в условиях социальной и ценностной полифонии современного общества возрастает значимость исследования механизмов формирования политической субъектности молодежи. Распад универсальных метанарративов, кризис институциональных агентов социализации (таких как традиционные партии или СМИ) и конкуренция разнонаправленных идеологических дискурсов ставят вопрос об источниках и ресурсах консолидации политического сообщества. Анализ того, каким образом в молодежной среде конструируются представления о «своих» и «чужих», о допустимых и недопустимых формах политического действия, проливает свет на фундаментальные процессы социальной интеграции и конфликта.

В-четвертых, существует насущная практическая потребность в выработке научно обоснованных подходов к диалогу между государственными институтами и молодым поколением. Неадекватность устаревших форм политической коммуникации, основанных на монологе и вертикальном воздействии, ведет к

росту абсентеизма, аполитичности или, напротив, к радикализации части молодежи. Понимание специфических языков, каналов и мотивационных структур политического участия современной молодежи является необходимым условием для разработки эффективной публичной политики и укрепления легитимности.

Таким образом, исследование политической культуры молодежи представляет собой не частную, а стержневую научную проблему. Оно находится на пересечении ключевых вызовов современности: цифровизации общественных отношений, трансформации идентичностей, поиска новых оснований солидарности. Результаты такого анализа имеют фундаментальное значение для развития политической социологии, теории демократии и прикладной политологии, обеспечивая эмпирическую и концептуальную базу для осмысления динамики современных обществ.

Научная проблема статьи заключается в наличии существенных лакун и теоретико-методологических противоречий в осмыслении феномена политической культуры молодежи в современном социологическом знании. С одной стороны, в научном дискурсе доминируют подходы, редуцирующие ее либо к формальным показателям электоральной активности, либо к акциям протестного характера. С другой стороны, наблюдается дефицит целостных моделей, интегрирующих когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты данного феномена, а также учитывающих его стратификационную неоднородность и региональную специфику.

Существует явный диссонанс между динамично меняющейся реальностью политического участия, включая формирование гибридных и сетевых форм, и ограниченным категориальным аппаратом, используемым для его описания. Традиционные дихотомии, такие как «лояльность – оппозиционность» или «активность – апатия», оказываются недостаточно релевантными для анализа сложных и зачастую латентных форм политической социализации в цифровой среде. Это порождает потребность в ревизии существующих теоретических конструктов и разработке более гибкого аналитического инструментария, способного отразить многомерность и внутреннюю противоречивость политической культуры молодого поколения.

Таким образом, актуальность и научная проблема сходятся в необходимости проведения системного анализа существующих социологических подходов к изучению политической культуры молодежи с целью их критической оценки, синтеза и выработки новой исследовательской перспективы, адекватной вызовам современного этапа общественного развития.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РАБОТЫ

В классической социологии можно выделить три основных подхода к изучению и концептуализации политической культуры: объективистский подход (Р. Карр, М. Бернстайн, Р. Такер и др.), определяющий политическую культуру как культуру поведения в политике и тем самым задающий границы анализа данного феномена группами политических элит и претендентов на причастность к данной группе; субъективистский подход (М. Фуко, Ю. Хабермас и др.), предполагающий понимание политической культуры как ресурса воздействия на формирование у индивида политических смыслов и ориентации, приводящих к соглашению по поводу целей и смыслов реализуемой политики государства; конструкционистский подход (Г. Алмонд, С. Верба, С. Липсет, С. Вайт, Р. Лэйн, А. Вилдавски, Р. Инглхарт и др.), акцентирующий на ценностном видении политической культуры, установлении связи между политическими ценностями и

мотивами политического поведения.

В качестве базовой теоретической парадигмы современных исследований политической культуры выступает динамическая интерпретация концепта «политическая культура», восходящая к работам Г. Алмонда и С. Вербы, но критически переосмысленная в контексте позднего модерна. Исследователи, как правило, отказываются от рассмотрения политической культуры как гомогенной, статичной системы ориентаций, трактуя ее как поле постоянного производства, воспроизводства и конкуренции значений (П. Бурдье). Акцент смещается с анализа исключительно ценностно-нормативных структур («культура как система») к исследованию повседневных практик, дискурсов и нарративов («культура как процесс»), в которых эти структуры актуализируются, оспариваются или нивелируются.

Для анализа процессов инкорпорации политических норм и формирования гражданской идентичности обычно применяется концепция политической социализации, обогащенная теорией поколенческих когорт (К. Мангейм). Молодежь рассматривается не как пассивный объект воздействия институтов, а как активный агент, чья «поколенческая позиция» формируется под влиянием уникального исторического опыта (цифровизация, постправда, антропогенный кризис), что порождает специфическое «поколенческое единство».

Особое значение в контексте гибридизации публичной сферы приобретает теория сетевого общества (М. Кастельс) и концепция цифровой политической культуры. Это позволяет анализировать, как алгоритмические платформы, практики меметической коммуникации и логика виральности реконфигурируют традиционные модели политического участия, создавая новые формы солидарности («коннективное действие» – В. Лансбэйн, З. Тайфел) и новые линии социального раскола.

В рамках современного научного диалога российских авторов в вопросе изучения политической культуры широко представлен интерпретационный подход, ориентированный на исследование социальных изменений и аксиологических оснований политической жизни.

Безусловно, научный дискурс по вопросам формирования и презентации политической культуры молодежи имеет масштаб, позволяющий получить системное представление по данному вопросу, а также возможность зафиксировать направление трансформации показателей политической культуры в историческом хронотопе. Но данные, представляемые в трудах исследователей, как правило, носят разрозненный и фрагментарный характер, акцентирующий внимание на показателях, элементах или проблемах политической культуры. В этой связи целью данной статьи является системное рассмотрение научного дискурса в определении и эмпирической верификации элементов политической культуры молодежи.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сложность в изучении и операционализации понятий, связанных с политической культурой молодежи, определяется включением ее как элемента в близкородственные, но смежные социальные системы социологических понятий: *«политическая культура молодежи одновременно принадлежит и к системе социально-политических отношений, и к системе культуры. Как составляющая политической системы общества она отражает степень политической зрелости и социальной активности молодежи. Как часть культуры общества, политическая культура – это накопленный потенциал, опыт молодежного социума, который*

раскрывает процесс формирования и реализации сущностных сил молодого человека в процессе его политической деятельности» (Погосян, Гражданкина, 2014). В этой связи вопрос восприятия политической культуры молодежи часто связан с теми задачами, которые стоят перед исследователями. Высокая геополитическая турбулентность и нестабильность вызывают широкий интерес к вопросу политической культуры молодежи, поиску ее ключевого определения и структуры.

Так, по мнению И. Г. Долининой, *«политическая культура молодежи есть совокупный результат обучения и воспитания, представляющий собой комплексную характеристику освоенного обучающимися политического опыта, сформированного политического сознания и в соответствующей мере происходящего и предстоящего в будущем конвенционального политического поведения, при доминирующих признаках: заинтересованности в решении существующих общественно-политических проблем, подготовленности к политическому участию в жизни общества, способности взаимодействовать с государственными институтами»* (Долинина, 2011).

Поиск ответов на вопрос о механизме формирования политической культуры приводит исследователей к необходимости устанавливать структурную взаимосвязь социализации, адаптации и идентификации, определять их влияние на формирование политической культуры молодежи, что отражено в работах Л. А. Погосян, которая приходит к рефлексии современного состояния всех этих процессов в России: *«в целом хаотичном и бессистемном комплексе политических ориентаций молодежи можно констатировать две тенденции, характеризующие его настоящий период: с одной стороны, чувство безысходности, неверие в свои силы, размытость и конформность идеалов, сориентированных на личное благополучие, не позволяют сформировать широкое политическое представительство молодежи; с другой стороны, агрессивность и репрессивность сознания, выливающиеся в озлобленность и экстремизм в молодежной среде, могут привести молодых в стан политических авантюристов, деструктивных сил, явиться основой для формирования молодежных асоциальных группировок»* (Погосян, 2013).

Вообще, вопрос политической социализации поднимается достаточно активно в научном дискурсе: формулируется проблема, связанная с неорганизованностью данного процесса, отсутствием целенаправленного влияния, а также с бесконтрольным влиянием институтов политической социализации на молодежь (Касьянов и др., 2017). Так, А. М. Гатиева выделяет пять ключевых тенденций (на период 2019 года), характеризующих политическую социализацию молодежи в России: первая тенденция *«определяется высоким уровнем вариативности и стратификационности в политической социализации молодежи; вторая связана с широким диапазоном возможностей в политической самореализации собственной гражданской позиции посредством включения в политическую жизнь; третья заключается в относительной упорядоченности и структурированности процессов политической социализации по сравнению с аналогичными процессами прошлого века; четвертой тенденцией становится мозаичность, деполитизация и деидеологизация политического сознания молодежи; пятая тенденция определяется активным использованием технологий политического манипулирования в политической социализации молодежи»* (Гатиева, 2019). Несмотря на то что мы наблюдаем значительные изменения в геополитической ситуации, практически все выделенные тенденции остаются актуальными и

сегодня. Так, уже в 2021 году Н. Н. Кулакова и В. В. Аничкина по результатам проведенных исследований отмечают, что *«факторами политической социализации в настоящее время стали смена официальных политических институтов формирования политической культуры независимыми акторами, многообразие стимулов и источников формирования политических ценностей, установок и мотивов участия»* (Кулакова, Аничкина, 2021).

В статье А. М. Гатиевой мы также находим важное основание для оценки успешности политической социализации молодежи: *«вершинным результатом политической социализации молодежи выступает поведенческий компонент, т. е. активное и постоянное участие индивида в политической жизни государства. На уровне поведения успешность политической социализации также может выражаться в живом и целенаправленном отслеживании молодежью политических событий, происходящих в стране и мире, участии в выборах, членстве и в политических движениях и организациях, готовности и способности выражать активную гражданскую позицию и собственные политические взгляды»* (Гатиева, 2019).

Отдельное внимание уделяется институтам и средствам политической социализации молодежи (Сайганова, 2013), среди которых обозначаются, как правило, институт образования, социальные сети и интернет, молодежное самоуправление и молодежная политика, институт семьи, политические и общественные субъекты (лидеры, партии, организации).

В контексте определения специфики политической культуры молодежи О. В. Щупленкову и О. Н. Щупленкову удалось зафиксировать ее отличие от политических культур других социальных групп, что можно увидеть через определение, предложенное авторами: *политическая культура молодежи – это «зафиксированный в традициях и нормах политический опыт молодежи; уровень ее морально-нравственных, ценностных представлений о политической власти и взаимоотношениях государства и общества, которые выражаются в соответствующей деятельности институтов власти; совокупность типичных форм мышления и поведения молодежи в публичной сфере, создающих преемственность политического развития социума, а также способность оценивать явления общественной жизни и занимать определенную политическую позицию, которая выражается в конкретном социально-политическом функционировании»* (Щупленков, Щупленков, 2013).

К. А. Бударина и Е. Н. Малик также указывают на особенность молодежной политической культуры по отношению к политической культуре взрослого населения, которая, по их мнению, заключается в том, что *«молодые люди готовы одновременно поддерживать и разделять традиции разного характера: во-первых, социалистические, на которых были воспитаны их родители, во-вторых, национальные, сохранившиеся генетически; в-третьих, традиции интернационального характера, включающие опыт международного общения и мировой культуры»* (Бударина, Малик, 2015). С нашей точки зрения, такое смешение идеологических основ, которое отмечают ученые, дает особую нагрузку на политическое мышление, включая дополнительно и усиливая процессы критического анализа и синтеза различных идеологем.

Такие процессы в условиях насыщенной политической повестки и геополитического кризиса могут проходить не всегда успешно. Возможно, в рамках исследования молодежных групп имеет смысл говорить, в частности, и о *политическом культурном конфликте* – явлении несоответствия формальных

смыслов политической ситуации внутренним оценкам молодежи в связи с рассогласованием критериев оценки, в том числе по причине несформированности политического сознания и незрелости политического мышления. *«Каждому этапу существования общества присущ определенный уровень политической культуры, к сожалению, большинство исследователей соглашается с тем, что на данный момент уровень политической культуры молодежи ничтожно низок»* (Денисов, 2006).

В научном дискурсе вопрос политического культурного конфликта для молодежи поднимается не часто и, как правило, связан с возникновением рассогласования в принятии политической ситуации, связанной с этнокультурным столкновением (Ерохин, Воробьев, Авдеев, 2021). На наш взгляд, наиболее значимым исследованием внутреннего конфликта политической культуры молодежи можно назвать качественное исследование межрегионального научного коллектива под руководством М. В. Певной (при участии автора (проведение и первичный анализ данных студенческих фокус-групп на территории Белгородской области)), проведенного в апреле 2022 года, показавшего дезориентацию студенческой молодежи и страха как отражение неспособности сформированного политического мышления (Страхи российского студенчества..., 2022).

Геополитическая трансформация и геополитические кризисы последнего времени как ключевые конфликтные факторы деформации политического сознания и политического мышления молодежи, оказывающие весомое воздействие на процессы ее политической социализации, также представлены в научном диалоге ученых. Как правило, такие исследования связаны с изучением эмоционально-оценочного компонента, с определением политических диспозиций молодежи, их рефлексии политической среды и ситуации (Социальное самочувствие..., 2024). Многие исследователи отмечают серьезную трансформацию политической культуры, вызванную турбулентностью политических процессов, затронувших Россию. Так, Я. Ю. Шашкова и Д. А. Казанцев по результатам проведенных ими исследований учащейся и студенческой молодежи Алтайского края делают вывод о том, что *«буквально за три года она (молодежь) прошла путь от группы с четким, ценностно ориентированным образом будущего и готовностью его отстаивать даже «языком улиц» до состояния страха перед политикой и коммуникативной закрытостью, стремления молодых людей в любой ситуации избегать конфликтов и оберегать выстроенное вокруг себя пространство материального, коммуникативного и информационного комфорта»* (Шашкова, Казанцев, 2024).

Восприятие политической культуры молодежи с позиции ее конфликтности по отношению к общей политической культуре поднимает проблему адаптации молодежи к политике и формирования *адаптивной* политической культуры. В этой связи имеет смысл говорить и о *политической адаптации молодежи*. Особенности *политической адаптации молодежи* изучаются В. А. Тер-Акопьяном: *«политическую адаптацию молодежи отличает ряд особенностей. Объективно они выражаются в более низкой политической активности молодых людей во всех формах (электоральном участии, организационной и протестной деятельности) и слабосформировавшейся способности к самоорганизации в политической сфере по сравнению со старшими возрастными группами. Политическая адаптация молодежи во многом характеризуется чертами и тенденциями, свойственными политической адаптации большей части населения России. Исследование данного феномена*

показало, что в молодежной среде она также преимущественно является *принудительной, традиционной, пассивной и регрессивной*» (Тер-Акопьян, 2014).

Отдельно ученый говорит и о барьерных внутренних и внешних факторах, препятствующих процессу политической адаптации, определяя в качестве «внутренних (эндогенных) факторов низкий интерес к политике, недостаточное признание важности инструментальных политических ценностей, низкие показатели уверенности в эффективности своего политического участия», а в качестве внешних – «бюрократизм существующей системы и нездоровую социально-политическую ситуацию в стране» и «*малоэффективную конфигурацию органов государственной власти и характер их формирования (помехи политической адаптации), а также отсутствие влиятельных и авторитетных молодежных организаций (дефициты политической адаптации), способных воздействовать на государство*» (Тер-Акопьян, 2014).

В научном дискурсе рассмотрение политической культуры молодежи редко представлено с позиции системного анализа всех компонент, редко можно столкнуться с системным дизайном ее исследования¹ (Шаповалова, Валиева, 2022). Скорее, данное понятие преломляется через один из компонентных ракурсов восприятия. Так, когнитивный компонент, как правило, представлен в исследованиях политического сознания молодежи, механизмов его формирования и роли социальных институтов в процессе воздействия на него, хотя встречаются исследования ментальных основ политической культуры (концентрирующихся на изучении политических представлений молодежи) (Евгеньева, Антонов, Селезнева, 2020).

Научный поиск также посвящен методологическим основаниям изучения политического сознания молодежи. Сложность и даже дихотомичность его формирования становятся ядром научного дискурса. Так, О. В. Сорокин отмечает, что «с одной стороны – политическое сознание формируется вследствие целенаправленного воспитания и обучения, что приводит к формированию знаний, норм, требований, представлений и идеалов. С другой – является результатом социально-политических условий, отражает особенности положения молодежи в этих условиях и реальные политические отношения в обществе, которые часто приобретают спонтанный и противоречивый характер» (Сорокин, 2007). Возможно, конфликтом этих двух направлений, влияющих на формирование политического сознания молодежи, становятся его особенности, среди которых автор выделяет «*лабильность, фрагментацию и мозаичность, низкий уровень доверия политическим институтам, эмоциональную составляющую сознания, отказ от традиционных политических ценностей и индивидуализацию*» (Сорокин, 2007).

Важный момент в механизме формирования политического сознания молодежи подчеркивает Ю. А. Зубок, говоря о том, что «*значительная доля политических ориентаций в структуре политического сознания молодежи формируется на основе индивидуальной или групповой саморегуляции*» (Зубок, Сорокин, 2010). Повышающаяся роль саморегуляции молодежи в процессе формирования политического сознания обусловлена недостатком (или конфликтом) воздействия институтов политической социализации: «*в политическом сознании молодежи возникает противоречие между*

---

¹ См. подробнее: Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (а) Исследовательский дизайн изучения политического мышления молодежи // В сборнике: Научные результаты Социологии 2021. Сборник статей по материалам I Международного научного онлайн форума. Белгород, 2022. – С. 162-168.

деформированными целеориентирующими механизмами институционального воздействия и активизацией саморегуляционных механизмов» (Зубок, Сорокин, 2010). Таким образом, процессы саморегуляции как одной из форм политической социализации становятся для молодежи приоритетными в условиях дефицитов политической социализации.

Можно сказать, что состояние политического сознания молодежи всегда оценивается несколько критично (тем самым подчеркивается факт отсутствия системы его формирования). Так, например, даже в 2010 году М. А. Калугина по результатам обширных исследований студенческой молодежи фиксирует проблему отсутствия у студентов системы политических знаний, сформированность только базовых понятий, часто никак не связанных с политикой, общественным устройством, отражающим, по сути, житейский ракурс восприятия действительности (Калугина, 2010). И несмотря на серьезные политические преобразования, проблема молодежного политического сознания остается насущной, о чём делает вывод уже в 2020 году Д. А. Головин: *«политическое сознание российской молодежи, как и молодежи любого современного государства, отличается неустойчивостью, аморфностью, склонностью к радикализму. Политические архетипы, доставшиеся современной российской молодежи от поколения 1990-х, не способствуют конструктивизации и гармонизации ее политического сознания»* (Головин, 2020).

Безусловно важным вопросом в этом отношении является и проблемный аспект влияния на политическое сознание молодежи «новых» институтов политической социализации, к которым относятся прежде всего интернет-коммуникации, и этот аспект активно изучается социологами, в том числе с позиции информационных войн и воздействия на сознание молодежи (Григорян, Кондратенко, Ларкин, 2021).

Ценностный компонент политической культуры молодежи наиболее широко представлен в научном дискурсе и позволяет рассмотреть не только разные подходы к определению и типологизации политических ценностей молодежи, но и отследить их изменения в хронотопе геополитической ситуации (Савруцкая и др., 2017). В 2018-м волгоградские исследователи определили набор ценностей молодежи, формирующий их политическое поведение. *«Его составляют такие ценности, как крепкая семья, патриотизм, сильное государство, любовь к ближнему, стойкость духа и веры. Установлено, что ранее считавшиеся основополагающими для духовной жизни русского народа ценностные установки «поиск правды» и «коллективизм» перестали быть таковыми для молодого поколения российских граждан. Можно констатировать, что произошел ренессанс дуализма концептов «патриотизм – гордость», который был доминирующим в общественном сознании советского народа. Нигилистические и протестные настроения присутствуют лишь у малой части молодежи»* (Гуляихин и др., 2018).

В 2019 году исследователи из Красноярского края отмечают приоритет для молодежи таких ценностей, как социальная справедливость, свобода и законность (Воробьев и др., 2021). А в 2020 году по итогам всероссийского исследования А. В. Селезнева приходит к выводу о том, что *«наиболее значимыми политическими ценностями в сознании молодежи являются мир, права человека, безопасность, свобода и справедливость, наименее значимой – национализм. Содержательное наполнение этих ценностей характеризуется нечеткостью и неопределенностью. Наиболее неоднозначной является ценность справедливости. Большинство политических ценностей имеют экстернальный поведенческий вектор со средне-низкой установкой к действию. Главным субъектом реализации своих ценностей*

молодежь считает государство. Социокультурные особенности политических ценностей молодежи выражаются в том, что в них проявляются и традиции национальной политической культуры (патерналистские ориентации, актуальность идеи справедливости), и глобальные тенденции (рост значимости ценностей самовыражения)» (Селезнева, 2020).

В 2022 году С. В. Расторгуев указывает, на наш взгляд, на кризис политических ценностей в молодежной среде (ученый анализирует существующие исследования того периода), определяя его в следующем: «Можно констатировать доминирование материалистических ценностей над постматериалистическими. Социально-экономические условия и доминирующие культурные установки России не способствуют поколенческому сдвигу в сторону постматериалистических ценностей. Молодые россияне испытывают влияние «мягкой силы» зарубежных стран, но это не меняет отношение абсолютного большинства молодежи к данным странам как к чужим» (Расторгуев, 2022).

Но уже в 2024 году в региональных исследованиях отмечается повышение ориентации молодежи на традиционные ценности, смену материалистической идеологии на постматериалистическую (в чём очевидная заслуга целенаправленных и синхронизированных действий образовательных организаций) (Матвеева и др., 2024). Подтверждение данному тезису мы находим и в исследованиях 2024 года Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета – региональная молодежь показывает высокий уровень интериоризации традиционных ценностей, хотя учеными и поднимается проблема несоответствия уровня их трансляции в региональной среде и показателей такой интериоризации. Таким образом, динамика трансформации ценностного компонента как основы политического мышления и в целом политической культуры молодежи показывает нам нарастающий ценностный кризис, который, можно сказать, становится отражением накаленной геополитической обстановки, сумбурности идеологии и тенденций глобализации. Выравнивание ценностного фундамента, помимо изменения направления политической социализации, дает нам представление о явлении «поиска смысла» в условиях повышенной нестабильности и рискогенности среды (в том числе с использованием механизмов саморегуляции).

Эмоционально-оценочный компонент в рассмотрении политической культуры молодежи представлен достаточно широко, но, как правило, связан с оценкой политической ситуации посредством показателей общей удовлетворенности аспектами социальной политики, соблюдением прав и свобод, доверия к политическим институтам и рейтингования политических субъектов (Кох и др., 2020).

Мотивационный компонент политической культуры молодежи рассматривается с позиции мотивов ее политической активности. Все исследования в этом отношении можно разделить на три большие группы: изучение мотивов политической вовлеченности молодежи, политического протеста, и отдельной группой становится вопрос мотивов электоральной активности молодежи. Некоторые исследователи представляют интересный опыт сравнительного анализа мотивации молодежи, вовлеченной в активность, поддерживаемую государством, и молодежи, предпочитающей протестную активность (такой ракурс анализа мы наблюдаем в работе Д. В. Трынова (Трынов, 2019)). Мотивы политической вовлеченности, как правило, рассматриваются с позиции причин участия или неучастия в политических действиях и деятельности.

Большинство исследователей указывают на интерес молодежи к просоциальным целям такой вовлеченности (направленность на интересы общества и государства), в ряде исследований отмечается и эгоистичный интерес (карьерные амбиции, необходимость решить собственные вопросы). Разница мотивов показывает важность акцентирования внимания на социальных группах молодежи – возрастных, включенных и не включенных в политику, есть разница и в региональном отношении.

Поведенческому компоненту политической культуры молодежи также находится место в научной дискуссии, и важным элементом его становится *политический опыт*. *«Молодежь, усваивая требования статусного и ролевого поведения, политических ценностей и ориентиров, развивает духовно-нравственный потенциал, который позволяет ей адаптироваться в определенной социально-политической системе»* (Погосян, Гражданкина, 2014).

«В определенном смысле политическая культура может быть представлена в качестве инструмента саморегуляции поведения молодежи, реализуемого посредством ценностно-нормативной системы, воздействуя на которую можно влиять на состояние и характер действия рискованных факторов процесса вхождения молодого поколения в реалии современной жизни общества» (Щупленков, 2014). Итоговым этапом в реализации механизма воспроизводства политической культуры молодежи является политическая активность. Д. В. Трынов предлагает разделять виды политической активности на две большие группы – участие-поддержка (государства и власти) и протестное участие. В проведенном им исследовании отмечается разница между двумя группами активной молодежи: *«две общности активистов не только практикуют разные подходы к политическому участию, но и значительно отличаются по субъективному состоянию и социальному самочувствию. Именно значения этих показателей можно считать основной предпосылкой выбора стратегии политического участия молодых активистов»* (Трынов, 2019).

Квинтэссенцией сформированной политической культуры молодежи становятся ее политические стратегии, которые включают политические решения в систему жизненного планирования, определяют модели политического поведения и политические цели молодых людей. Стоит отметить, что важность жизненных планов в сфере политики для молодежи невелика и это остается неизменным фактом, несмотря на политическую турбулентность и кризис последних лет¹. Самой востребованной политической целью для молодежи становится желание стать более политически активной и грамотной, но и она актуальна не более чем для 30 %. Есть еще такой интересный факт: несмотря на политическую пассивность молодежи, ее политические амбиции достаточно высоки (12–14 % планируют для себя как обязательный жизненный шаг баллотироваться на весьма высокие политические должности), но отсутствие при этом сформированного политического сознания продуцирует риск расширения

---

¹ Примечание. См подробнее работы авторов: Шаповалова И.С., Валиева И.Н. Политическое мышление и политические стратегии молодежи // Интеграция образования. – 2024. – Т. 28, № 4 (117). – С. 589–605.; Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (а) Исследовательский дизайн изучения политического мышления молодежи // В сборнике: Научные результаты Социологии 2021. Сборник статей по материалам I Международного научного онлайн форума. Белгород, 2022. – С. 162–168.; Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (б) Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. – 2022. – Т. 26, № 2 (107). – С. 345–362.; Шаповалова И.С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 39–45.

кадрового ресурса политики за счет политически некомпетентных специалистов, чьи мотивы включения в политическую деятельность весьма сомнительны.

Протестная активность молодежи как объект исследования достаточно широко представлена в научном социологическом дискурсе. В ряде исследовательских работ, обращающих на себя внимания в исследовании *предпосылок формирования протестных настроений* в молодежной среде, стоит упомянуть статьи, где предпринимается попытка системного анализа молодежной субкультуры, молодежной среды, формирующей протестные настроения и протестную активность, – такие методологические основы мы находим, как правило, у ученых-юнологов, ведущими из которых являются Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смокотина (Зубок и др., 2016), П. А. Меркулов и Н. В. Проказина (Меркулов, Проказина, 2017) и др. Весомый вклад в изучение протестной активности молодежи вносят дискуссии о собственно молодежной рефлексии ее протестного настроения, как, например, в работе коллектива авторов под руководством Р. Б. Шайхисламова (Шайхисламов, 2021; ¹).

Политическая активность молодежи, направленная на поддержку государства, как правило, рассматривается посредством анализа электорального поведения и деятельности молодежи, включенной в работу политических организаций (молодых политических лидеров и активистов). И если по первой форме активности мы находим широкий спектр научных работ и исследований, связанных с анализом условий и барьеров участия молодежи в выборах, то деятельность политических активистов рассматривается часто с позиции возможного включения в политическую сферу (как политический потенциал).

Представленный в статье обширный научный дискурс позволяет реконструировать ключевые концептуальные рамки, проблемные поля и внутренние противоречия в изучении политической культуры российской молодежи. Синтез рассмотренных источников выявляет несколько устойчивых аналитических акцентов, которые структурируют поле исследований в этой области:

- примат проблемного подхода: значительная часть работ сосредоточена не на системном описании феномена, а на диагностике его дефицитов и дисфункций. Доминирующими являются оценки политической культуры молодежи как «несформированной», «мозаичной», «неустойчивой», а ее сознания как «аморфного», «дезориентированного» и подверженного внешним манипуляциям. Это формирует нарратив о кризисе, где молодежь выступает скорее объектом рисков (радикализация, апатия, деполитизация), нежели полноправным актором;
- редукция к компонентному анализу: вместо целостного изучения политической культуры как системы дискурс фрагментируется на изолированное исследование ее отдельных элементов: политического сознания, ценностей, мотивов, поведенческих практик (протестных или про-государственных). Это приводит к утрате холистического видения взаимосвязей между когнитивными, аффективными и конативными компонентами;
- институционально-детерминистская перспектива: центральной объяснительной моделью формирования политической культуры выступает

---

¹ Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (а) Исследовательский дизайн изучения политического мышления молодежи // В сборнике: Научные результаты Социологии 2021. Сборник статей по материалам I Международного научного онлайн форума. (*онлайн-форума по норме*) – Белгород, 2022. – С. 162–168.; Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (б) Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. – 2022. – Т. 26, № 2 (107). – С. 345–362..

политическая социализация, понимаемая преимущественно как результат воздействия институтов (образование, СМИ, семья, молодежная политика). Неэффективность социализации трактуется как ключевая причина «незрелости» молодежной культуры, что актуализирует запрос на усиление целенаправленного управленческого воздействия;

- акцент на адаптации и конфликте: культура молодежи часто анализируется в координатах ее адаптации к существующей политической системе (с констатацией преобладания пассивных и принудительных форм) или реже – конфликта с ней (через протестный потенциал и активность). Динамика между лояльностью и оппозиционностью, конформизмом и автономией становится одной из главных осей интерпретации.

Ключевые проблемы, которые удастся выделить в научном дискурсе, посвященном политической культуре молодежи, указывают:

- на распад единого социализирующего воздействия: ученые констатируют утрату монополии традиционных институтов (государство, система образования) на формирование политических ориентаций. Их место занимают децентрализованные и зачастую конфликтующие между собой агенты: цифровые платформы, зарубежная «мягкая сила», горизонтальные сетевые сообщества. Это порождает мозаичность сознания и ценностный эклектизм;

- на кризис ценностной преемственности: динамика ценностного компонента описывается как турбулентная – от нигилизма и материализма 1990-х к периоду поиска (социальная справедливость, свобода) и к современному запросу на традиционные ценности (семья, патриотизм, сильное государство). Однако исследователи отмечают поверхностность интериоризации и декларативный характер этих ценностей, что свидетельствует о незавершенности процессов смысловой консолидации;

- на парадокс политической активности: активность молодежи биполярна и структурируется вокруг двух полюсов – протестного и лояльно-государственного участия. При этом массовой основой остается политическая пассивность и абсентеизм, обусловленные как недоверием к институтам, так и приоритетом частных, а не публичных интересов (феномен «комфортной» приватности);

- на возрастающую роль саморегуляции: в условиях дефицита или противоречивости внешнего институционального влияния ключевым механизмом формирования политического сознания становится индивидуальная и групповая саморегуляция. Это свидетельствует о росте автономии молодежных субъективностей, но одновременно трактуется как вынужденная компенсация неэффективности формальной социализации, повышающая риски дезинтеграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа существующего научного дискурса были определены дефицитные научные лакуны:

- Дефицит теоретического синтеза: существует определенная фрагментарность и бессистемность исследований по теме политической культуры молодежи. Дискурс представляет собой сумму частных эмпирических кейсов и компонентных анализов, но лишен общей теоретической модели, которая объясняла бы внутреннюю логику и динамику политической культуры молодежи как целостного феномена.

- Нормативно-оценочная позиция: многие исследования исходят из скрытой нормативной предпосылки о некоем «правильном» или «зрелом» типе политической культуры (сформированный, системный, активно-лояльный),

отклонение от которого интерпретируется как проблема. Это мешает понять имманентную логику и функциональность существующих молодежных практик, таких как инструментальное использование политики для решения частных задач или стратегии избегания.

- Недооценка агентности и креативности молодежи: акцент на социализации как усвоении готовых образцов затеняет способность молодежи к производству новых политических смыслов, языков и форм участия (цифровой активизм, партисипаторные практики, этические потребительские стратегии). Молодежь часто рассматривается как реципиент, а не как со-творец политического поля, важность процессов ее саморегуляции не учитывается.

- Методологический консерватизм: несмотря на констатацию цифровой трансформации, методологический арсенал остается ориентированным на изучение «офлайн-практик» и декларируемых установок. Сетевые формы коммуникации, визуальные нарративы, алгоритмическая сегментация политического внимания изучаются недостаточно, что создает разрыв между объектом исследования и аналитическим инструментарием.

Таким образом, можно сделать общее заключение о том, что научный дискурс о политической культуре российской молодежи, представленный в статье, выполняет важную диагностическую и проблематизирующую функцию. Он убедительно фиксирует состояние глубокой трансформации, характеризующееся распадом традиционных механизмов преемственности, ценностной турбулентностью, биполяризацией активности и ростом значения саморегуляции. Однако дискурс остается в значительной степени реактивным и дескриптивным, редуцируя сложность феномена до набора проблем, обусловленных «недоработкой» институтов социализации.

Для преодоления этих ограничений необходима смена исследовательской парадигмы – переход от изучения «недостатков» молодежной политической культуры к анализу ее как актуального и сложноорганизованного способа смыслопорождения и взаимодействия с политическим в условиях позднего модерна. Это требует интеграции теорий поколений, диджитал-социологии, концепции практик и подходов, изучающих политическое не как отдельную сферу, а как измерение, встроенное в повседневные жизненные стратегии и идентичностные проекты молодых людей. Только такой сдвиг позволит перейти от констатации «мозаичности» к пониманию внутренней архитектоники и логики развития политической культуры современной молодежи.

Список литературы:

1. Бударина К.А., Малик Е.Н. Специфика механизма формирования политической и гражданской культуры современной российской молодежи // Научно-методический электронный журнал "Концепт". - 2015. - Т. 13. - С. 866-870.
2. Гатиева А.М. Основные тенденции политической социализации молодежи в современном социокультурном пространстве // Инновационные проекты и программы в образовании. - 2019. - № 1 (61). - С. 40-43. EDN: ZEURZR
3. Головин Д.А. К Вопросу об изучении факторов, влияющих на политическое сознание современной российской молодежи // Социально-политические науки. - 2020. - Т. 10. - № 6. - С. 80-90. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-6-80-90 EDN: RJRJNH
4. Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н., Ларкин А.Н. Проблема влияния интернет-технологий на политическое сознание молодежи в современной России //

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - 2021. - № 3. - С. 164-168. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-164-168 EDN: MDWRUN

5. Гуляихин В.Н., Андрущенко О.Е., Фантров П.П., Галкина Е.В. Стереотипы политического мышления молодежи в контексте реализации стратегии национальной безопасности РФ: опыт регионального исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. - 2018. - Т. 23. - № 2. - С. 186-194. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.16 EDN: XMJTED

6. Денисова Г.С., Авдеев Е.А., Воробьев С.М. Конфликтогенные риски этнокультурных оснований идентичности студенческой молодежи: случай фронтирного Северо-Кавказского региона // Регионоведение. - 2024. - Т. 32, № 2 (127). - С. 198-216. DOI: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216 EDN: DFLQRT

7. Долинина И.Г. Сознание и поведение молодежи в контексте гражданской политической культуры // Социально-гуманитарные знания. - 2011. - № 1. - С. 162-170. EDN: NCUZQN

8. Евгеньева Т.В., Антонов Д.Е., Селезнева А.В. Ментальные особенности политических представлений молодежи в контексте политической культуры // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. - 2020. - № 16. - С. 58-65. EDN: JHQZGJ

9. Ерохин А.М., Воробьев С.М., Авдеев Е.А. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. - 2021. - Т. 26, № 5. - С. 112-125. DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.5.9 EDN: OCUXIE

10. Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. - Москва, 2016. - URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/21006167/>. (дата посещения: 20.07.2025). ISBN: 978-5-905790-16-4 EDN: VSHACV

11. Зубок Ю.А., Сорокин О.В. Формирование политического сознания российской молодежи и обуславливающие его противоречия // Социология власти. - 2010. - № 4. - С. 6-15. EDN: MQHSRT

12. Калугина М.А. Политическое сознание современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. - 2010. - № 2 (13). - С. 95-102. EDN: OYWQNB

13. Касьянов В.В., Кротов Д.В., Самыгин С.И. Специфика политической социализации российской молодежи в условиях социальной неопределенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2017. - № 1. - С. 42-45. EDN: XUXMPL

14. Кох И.А., Бирюкова Т.С., Скутин А.С. Политическая культура студенческой молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2020. - Т. 6, № 2. - С. 18-36. DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-18-36 EDN: UEDXLU

15. Кулакова Н.Н., Аничкина В.В. Факторы формирования политической культуры молодежи // Вопросы политологии. - 2021. - Т. 11, № 5 (69). - С. 1382-1392. DOI: 10.35775/PSI.2021.69.5.008 EDN: WOXVJD

16. Матвеева Е.В., Шилова А.Э., Сат А.В. Традиционные ценности в системе политической культуры студенческой молодежи Кузбасса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. - 2024. - № 81. - С. 244-252. DOI: 10.17223/1998863X/81/22 EDN: DPTTDK

---

17. Меркулов П.А., Проказина Н.В. Методологические подходы к анализу протестной деятельности молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. - 2017. - Т. 12, № 1. - С. 15-23. DOI: 10.12737/24765 EDN: YFXAAN
18. Погосян Л.А. Влияние процессов социализации, адаптации и идентификации на формирование политической культуры молодежи // Гуманитарий Юга России. - 2013. - № 3. - С. 65-73. EDN: SBUMSZ
19. Погосян Л.А., Гражданкина Л.Ю. Политическая культура как фактор формирования социальной активности молодежи // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2014. - № 4 (43). - С. 293-295. EDN: SKHKVX
20. Расторгуев С.В. Ценности российской молодежи как элемент политической культуры общества // Власть. - 2022. - Т. 30, № 4. - С. 105-110. DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9134 EDN: JIZILV
21. Савруцкая Е.П., Устинкин С.В., Бикметова Т.И., Никитин А.В. Ценностные ориентации молодежи в ее отношении к системе политических институтов современной России // Власть. - 2017. - Т. 25, № 5. - С. 7-17. EDN: YULNCJ
22. Сайганова Е.В. Политическая социализация молодежи: основные агенты и каналы формирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. - 2013. - Т. 13, № 4. - С. 34-37. EDN: SEIZBD
23. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. - 2020. - Т. 11, № 3. - С. 20-32. DOI: 10.18721/JHSS.11302 EDN: GMXZZB
24. Сорокин О.В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Власть. - 2007. - № 8. - С. 48-52. EDN: KTWLGL
25. Социальное самочувствие и отношение студенческой молодежи к специальной военной операции Российской Федерации в Украине: монография / под общ. ред. В.И. Филоненко; Южный федеральный университет. - Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024.
26. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) / Певная М.В., Шуклина Е.А., Киенко Т.С., Тарасова А.Н., Андрианова Е.В., Худякова М.В., Шаповалова И.С. // Научный результат. Социология и управление. - 2022. - Т. 8, № 3. - С. 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9 EDN: VYDKQJ
27. Тер-Акопьян В.А. Факторы адаптивной политической культуры современной российской молодежи // Гуманитарий Юга России. - 2014. - № 4. - С. 97-103. EDN: TCTGET
28. Трынов Д.В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест // Социодинамика. - 2019. - № 12. - С. 298-314. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195 EDN: CQINXV
29. Шайхисламов Р.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В. Молодежные протестные настроения глазами российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. - 2021. - Т. 7, № 3. - С. 104-121. DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-0 EDN: NBOAOD
30. Шаповалова И.С., Валиева И.Н. Политическое мышление и политические стратегии молодежи // Интеграция образования. - 2024. - Т. 28, № 4 (117). - С. 589-605. DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605 EDN: FAQCJM
31. Шаповалова И.С., Валиева И.Н. (b) Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. -

2022. - Т. 26, № 2 (107). - С. 345-362. DOI: 10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362 EDN: VWPPZY

32. Шашкова Я.Ю., Казанцев Д.А. Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2024. - Т. 26, № 2. - С. 357-372. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372 EDN: MIPZRJ

33. Щупленков Н.О. Проблема формирования политической культуры молодежи в современном российском обществе // PolitBook. - 2014. - № 3. - С. 150-157. EDN: TMIZWD

34. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Национально-культурная идентичность в контексте философской традиции диалога культур // NB: Философские исследования. - 2013. - № 10. - URL: https://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=8848&nb=1&ysclid=mfdm7ftdk5990914009 (дата посещения: 20.10.2025). EDN: RWBKHH

References:

1. Budarina K.A., Malik E.N. (2015) Specifics of the mechanism for the formation of political and civil culture of modern Russian youth. *Scientific and methodological electronic journal "Concept."* T. 13.p. 866-870.

2. Gatieva A.M. (2019) The main trends in the political socialization of young people in the modern sociocultural space. *Innovative projects and programs in education.* – no. 1 (61). P. 40-43. EDN: ZEURZR

3. Golovin D.A. (2020) On the question of the study of factors affecting the political consciousness of modern Russian youth. *Socio-political sciences.* T. 10. no. 6. p. 80-90. DOI: 10.33693/2223-0092-2020-10-6-80-90 EDN: RJRJNH

4. Grigoryan D.K., Kondratenko E.N., Larkin A.N. (2021) The problem of the influence of Internet technologies on the political consciousness of young people in modern Russia. *State and municipal administration. Scholarly notes.* no. 3.p. 164-168. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-164-168. EDN: MDWRUN

5. Gulyaikhin V.N., Andryushchenko O.E., Fantrov P.P., Galkina E.V. (2018) Stereotypes of political thinking of young people in the context of the implementation of the national security strategy of the Russian Federation: the experience of regional research. *Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations.* Vol. 23. no. 2. p. 186-194. (In Russ) DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.2.16 EDN: XMJTED

6. Denisova G.S., Avdeev E.A., Vorobyov S.M. (2024) Conflict risks of ethnocultural grounds of identity of student youth: the case of the frontier North Caucasus region. *Regionology.* Vol. 32, no. 2 (127). p. 198-216. (In Russ) DOI: 10.15507/2413-1407.127.032.202402.198-216 EDN: DFLQRT.

7. Dolinina I.G. (2011) Consciousness and behavior of young people in the context of civil political culture. *Social and humanitarian knowledge.* no.1. p. 162-170. EDN: NCUZQN

8. Evgenieva T.V., Antonov D.E., Selezneva A.V. (2020) Mental features of political representations of young people in the context of political culture. *Socio-psychological problems of mentality/mentality.* – no. 16. p. 58-65. (In Russ) EDN: JHQZGJ

9. Erokhin A.M., Vorobyov S.M., Avdeev E.A. (2021) Ethnopolitical processes in the Caucasus: conflict of identities and political activity of youth. *Journal of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations.* Vol. 26, no. 5. p. 112-125. (In Russ) DOI: 10.15688/jvolsu4.2021.5.9 EDN: OCUXIE

10. Zubok Yu.A., Rostov TK, Smakotina N.L. (2016) Youth and youth policy in modern Russian society. Moscow, URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/21006167/>. (visit date: 20.05.2025). (In Russ) EDN: VSHACV

11. Zubok Yu.A., Sorokin O.V. (2010) Formation of the political consciousness of Russian youth and the contradictions that determine it. *Sociology of power*. no. 4. p. 6-15. (In Russ) EDN: MQHSRT
12. Kalugina M.A. (2010) Political consciousness of modern student youth of small and medium-sized cities of the Russian Far East. *Oykumena. Regional studies*. no.2 (13). p. 95-102. (In Russ) EDN: OYWQHB
13. Kasyanov V.V., Krotov D.V., Samygin S.I. (2017) Specifics of political socialization of Russian youth in conditions of social uncertainty. *Humanities, socio-economic and social sciences*. no.1. p. 42-45. (In Russ) EDN: XUXMPL
14. Koch I.A., Biryukova T.S., Skutin A.S. (2020) Political culture of student youth//Bulletin of Tyumen State University. *Socio-economic and legal studies*. Vol. 6, no. 2. p. 18-36. (In Russ) DOI: 10.21684/2411-7897-2020-6-2-18-36 EDN: UEDXLU
15. Kulakova N.N., Anichkina V.V. (2021) Factors of the formation of the political culture of youth. *Issues of political science*. Vol. 11, no. 5 (69). p. 1382-1392. (In Russ) DOI: 10.35775/PSI.2021.69.5.008 EDN: WOXVJD
16. Matveeva E.V., Shilova A.E., Sat A.V. (2024) Traditional values in the system of political culture of student youth of Kuzbass. *Journal of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. no. 81. p. 244-252. (In Russ) DOI: 10.17223/1998863X/81/22 EDN: DPTTDK
17. Merkulov P.A., Prokazina N.V. (2017) Methodological approaches to the analysis of youth protest activities. *Central Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 12, no. 1. -p. 15-23. (In Russ) DOI: 10.12737/24765 EDN: YFXAAH
18. Poghosyan, L.A. (2013) The influence of socialization, adaptation and identification processes on the formation of the political culture of young people. *Humanitarian of the South of Russia*. no. 3. p. 65-73. (In Russ) EDN: SBUMSZ
19. Poghosyan L.A., Grazhdankina L.Yu. (2014) Political culture as a factor in the formation of social activity of young people. *Journal of the North Caucasus Federal University*. no.4 (43).p. 293-295. (In Russ) EDN: SKHKVX
20. Rastorguev S.V. (2022) Values of Russian youth as an element of the political culture of society. *Power*. Vol. 30, no. 4. p. 105-110. (In Russ) DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9134 EDN: JIZILV
21. Savrutsкая E.P., Ustinkin S.V., Bikmetova T.I., Nikitin A.V. (2017) Value orientations of young people in their attitude to the system of political institutions of modern Russia. *Vlast*. Vol. 25, no. 5. p. 7-17. (In Russ) EDN: YULNCJ
22. Sayganova E.V. (2013) Political socialization of youth: the main agents and channels of formation. *Izvestia Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science*. Vol. 13, no. 4. p. 34-37. (In Russ) EDN: SEIZBD
23. Selezneva A.V. (2020) Political values of Russian youth: sociocultural features and identification potential. *Society. Communication. Education*. Vol. 11, no. 3. p. 20-32. (In Russ) DOI: 10.18721/JHSS.11302 EDN: GMXZZB
24. Sorokin O.V. (2007) Features of the formation of the political consciousness of modern Russian youth. *Power*. no. 8. p. 48-52. (In Russ) EDN: KTWLGL
25. Social well-being and attitude of student youth to the special military operation of the Russian Federation in Ukraine: monograph/under the general. ed. V.I. Filonenko; Southern Federal University. - Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2024. (In Russ)
26. Pevnaya, M.V. Shuklina, E.A. Kienko T.S., Tarasova A.N., Andrianova E.V., Khudyakova M.V., Shapovalova I.S.(2022) Fears of Russian students in a situation of social uncertainty

(spring 2022). *Scientific result. Sociology and governance*. Vol. 8, no. 3. p. 116-136. (In Russ) DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9 EDN: VYDKQJ

27. Ter-Hakobyan V.A. (2014) Factors of adaptive political culture of modern Russian youth. *Humanist of the South of Russia*. no.4.p. 97-103. (In Russ) EDN: TCTGET

28. Trynov D.V. (2019) Political participation of young people: support vs protest. *Sociodynamics*. no.12. p. 298-314. (In Russ) DOI: 10.25136/2409-7144.2019.12.31195 EDN: CQINXV

29. Shaikhislamov R.B., Asadullina G.R., Sadretdinova E.V. (2021) Youth protest moods through the eyes of Russian youth. *Scientific result. Sociology and governance*. Vol. 7, no. 3. p. 104-121. (In Russ) DOI: 10.18413/2408-9338-2021-7-3-1-0 EDN: NBOAOD

30. Shapovalova I.S., Valieva I.N. (2024) Political thinking and political strategies of youth. *Integration of education*. Vol. 28, no. 4 (117). p. 589-605. (In Russ) DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605 EDN: FAQCJM

31. Shapovalova I.S., Valieva I.N. (2022) Protest potential of regional students in Russia: social prerequisites. *Integration of education*. Vol. 26, no. 2 (107). p. 345-362. (In Russ) DOI: 10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362 EDN: VWPPZY

32. Shashkova Ya.Yu., Kazantsev D.A. (2024) Dynamics of the value priorities of Russian youth in modern geopolitical conditions. *Journal of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. Vol. 26, no. 2.p. 357-372. (In Russ) DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372 EDN: MIPZRJ

33. Shchuplenkov N.O. (2014) The problem of the formation of the political culture of youth in modern Russian society. *PolitBook*. no. 3. p. 150-157. (In Russ) EDN: TMIZWD

34. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. (2013) National-cultural identity in the context of the philosophical tradition of the dialogue of cultures. *NB: Philosophical research*. no. 10. - URL: https://e-notabene.ru/view_article.php?id_article=8848&nb=1&ysclid=mfdm7ftdk5990914009 (date: 20.04.2025). EDN: RWBKHH

Сведения об авторах:

Савеличева Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, e-mail :valieva@bsuedu.ru, SPIN-код: 1910-5834, <https://orcid.org/0000-0001-5160-163X>,

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, e-mail: shapovalova@bsuedu.ru,, Scopus ID: 56728382600, Researcher ID: R-6955-2016, SPIN-код: 2477-0791, <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>

About the authors:

Irina N. Savelicheva, Senior Lecturer at the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (Russian Federation, Belgorod), e-mail :valieva@bsuedu.ru, SPIN-код: 1910-5834, <https://orcid.org/0000-0001-5160-163X>,

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (Russian Federation, Belgorod), e-mail: shapovalova@bsuedu.ru,, Scopus ID: 56728382600, Researcher ID: R-6955-2016, SPIN-код: 2477-0791, <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>,

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли существенный вклад в проведение исследования и написание статьи. Все авторы утвердили окончательный вариант статьи, несут ответственность за целостность всех частей статьи.

The authors declare no conflict of interest.

Authors' contribution: The authors made an equal contribution to the research and writing the article. The authors have approved the final version of the article, and are responsible for the integrity of all parts of the article.

© Савеличева И. Н., Шаповалова И. С., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>